

The background of the cover is a detailed illustration of St. Isaac's Cathedral in Saint Petersburg at sunset. The sky is a deep, fiery orange and red, filled with dramatic, dark clouds. Two birds are shown in flight: a crow on the left and a raven on the right. In the foreground, a black cat is sitting on the left, looking towards the right, and a black raven is perched on the right, looking back at the cat. They are positioned on a ledge or rooftop, with some autumn leaves scattered around them. The city's architecture, including the cathedral's large dome and surrounding buildings, is visible in the background, bathed in the warm light of the setting sun.

Ярослав Игнатовский

Город кошек и ворон

Петербургский дневник

Ярослав Ринатович Игнатовский

Город кошек и ворон.

Петербургский дневник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74325816

Город кошек и ворон. Петербургский дневник;

ISBN 978-5-00269-614-7

Аннотация

«Город кошек и ворон» – это Петербург, которого нет на открытках. Лиговка, Обводный, дворы-колодцы, чайники на плите и люди, которые не живут настоящим, а либо вспоминают, либо ждут. Здесь абсурд становится нормой, тишина говорит громче слов, а старый ковёр помнит больше, чем его хозяева. 54 рассказа о городе, где ничего не исчезает окончательно – даже потерянное время между рюмочной и аптекой.

Это не сборник забавных случаев. Это дневник человека, который слишком долго живёт в Петербурге, чтобы удивляться, но недостаточно долго, чтобы привыкнуть. Сухо, честно, по-петербургски. Для тех, кто знает, что такое февральская жижа, и для тех, кто хочет понять, почему чайник важнее новостей. Можно читать подряд или по одному – город никуда не денется. А когда закроете книгу, посмотрите в окно. Возможно, там ваш собственный двор. И ворона на карнизе. Или чайник, который только что закипел.

Содержание

Пролог	6
Часть 1	8
Часть 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ярослав Ринатович Игнатовский Город кошек и ворон Петербургский дневник

*Посвящается моему деду и всем другим
коренным жителям города на Неве...*

© Игнатовский Я. Р., 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

*Город кошек и ворон, город старых площадей
Где туманы, словно сон, крадут солнце у дверей.
Медный всадник на коне смотрит гордо в даль Невы —
Там, где море, там, где львы чертят знаки на воде*

*Дождь считает все мосты и стирает голоса.
Под шинелью темноты город смотрит в небеса.
Здесь шаги звучат, как спор с мокрым камнем и судьбой.
И стоит колодец-двор между правдой и мечтой.*

*Этот город не спешит, он живет внутри меня.
Он стучит свой четкий бит в такт размеренности дня.
Я учился здесь молчать и читать стихи без слов.
Город – строгая печать на конвертах всех дорог.*

*Он не любит громких клятв и не верит в лёгкий путь,
Учит выдержке и правде – и уже не отвернуть.
Черный хлеб и царский трон, белой ночью темный мрак.
На костях наш крепкий брак, город кошек и ворон.*

Я.Р.

*«Объясняйте это как хотите,
но в Петербурге есть эта загадка —
он действительно влияет на твою душу, формирует её.
Человека, там выросшего, или, по крайней мере,
проведшего там свою молодость, – его с другими людьми,
как мне кажется, трудно спутать».*

И. Бродский

*Я люблю этот город, но зима здесь слишком длинна.
Я люблю этот город, но зима здесь слишком темна.
Я люблю этот город, но как страшно здесь быть
одному...*

В. Цой

Пролог

Эти рассказы лучше не читать как роман.

Они не ведут к разгадке и не складываются в сюжет.

Скорее это прогулки.

Короткие. Иногда под дождём.

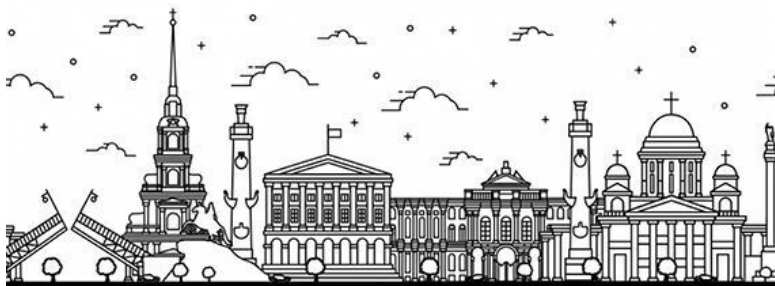
Между ними можно делать паузы.

Город никуда не денется.

Если закрыть книгу после одного рассказа – ничего страшного.

Если прочитать десять подряд – тоже.

Чайник всё равно закипит тогда, когда закипит.

Часть 1

Двор

(Петербургский абсурд)

В Петербурге не удивляются. Удивляться – значит тратить силы, которые ещё пригодятся, чтобы дойти до метро и не поскользнуться. Здесь принимают. Дождь – принимают. Ворон – принимают. Соседа, который потерял время, – тоже принимают. Потому что, если начнёшь разбираться, сойдёшь с ума. А сходить с ума в этом городе слишком дорого. Проще сидеть на скамейке и смотреть, как мяч оказывается просто круглым. Это называется абсурд. Или карма. Или привычка. Какая разница.

Между рюмочной и аптекой

Поздней осенью Петербург приобретает такое выражение, будто ему одновременно должны денег, любви и нормальной погоды. Небо висит низко, как потолок в старой коммуналке. Дождь падает отвесно, а люди движутся по улицам с видом пассажиров, которых забыли посадить из трамвая в 1997-м.

В такой вечер Я.Р. шёл вдоль Обводного канала в сторону Витебского вокзала. Думал, что человечество катится в про-

пасть. Но делает это удивительно интеллигентно.

Под ногами хлюпала ноябрьская жижа цвета вчерашнего кофе. Из круглосуточной шавермочной пахло жареным мясом, тревогой и студенческой молодостью. Где-то во дворе пьяный мужчина пел «Wonderwall» так печально, будто лично расстался с Манчестером.

У ларька с кофе стоял человек в старом плаще и кормил голубей чипсами со вкусом сметаны и зелени. Голуби ели без энтузиазма. В Петербурге даже птицы выглядят так, будто читают Достоевского в оригинале и не одобряют современность.

Я.Р. взял американо. Бариста был похож на молодого Джима Моррисона, если бы тот вырос в Купчино, снимал однушку с котом и периодически играл каверы на «Кино» в антикафе.

– Вам с сахаром? – спросил он с трагизмом, будто решалась судьба европейской цивилизации.

Я.Р. отказался. После сорока человек либо пьёт кофе без сахара, либо уже слушает мотивационные подкасты.

Дальше произошло странное.

К нему подошёл мужчина в шапке «Зенита» с рогами и совершенно спокойно спросил:

– Простите, вы времени не видели?

– Половина девятого, – машинально ответил Я.Р.

– Нет, я не про это. Я вообще времени не видел. Потерял вчера где-то между рюмочной и аптекой.

Он посмотрел с такой надеждой, будто Я.Р. работал в бюро находок мироздания.

Я.Р. хотел рассмеяться, но не смог. В Петербурге есть вещи, над которыми смеяться не принято. Как известно, помимо блокады, это ипотека, коммуналки и потерянное время.

– А какое оно было? – зачем-то спросил Я.Р.

Мужчина закурил.

– Хорошее. Лето. Родители ещё живы. По ночам слушали Чиж, пили дешёвое пиво на крышах. И казалось, что впереди ещё очень большая жизнь.

Они помолчали. Мимо прогрохотал трамвай. Внутри сидели люди с лицами тех, кто узнал цены на стоматологию.

– Жалко, если не найдётся, – сказал Я.Р.

– Да найдётся, – спокойно ответил мужчина. – В Петербурге ничего не исчезает окончательно. Вы же знаете: тут даже бывшие иногда годами лежат во дворах-колодцах. Ну, отношения...

Он загадочно посмотрел вдаль, кивнул и ушёл в сторону Лиговки. Растворялся в дожде, как растворяются в памяти девяностые, молодость, сдача с пяти тысячной.

Я.Р. остался стоять с остывшим стаканом. Ветер донёс из двора обрывок гитары. Он посмотрел на пустую скамейку у ларька. На мокром асфальте голубь клевал крошку.

Город не жил настоящим. Он либо помнил. Либо ждал. А может, просто стоял под дождём.

И этого было достаточно.

Случай на Лиговке

Белой ночью Я.Р. остановился у ларька, чтобы купить сигарет. Но ларёк спал. Снаружи висел замок, а в окне – записка: «Ушёл в себя. Вернусь не скоро».

– Это он всегда так, – сказал голос сверху.

На ларьке сидел странного вида мужик, похожий на представителя движения художников Митьки. В валенках, тельняшке, но без положенной в таких случаях шапки-ушанки. Он держал удочку, леска от которой уходила куда-то в небо.

– Кого ловите? – спросил Я.Р.

– Радио, – ответил он. – Вчера поймал «Маяк». А сегодня тишина.

Вдруг из-за угла выкатился мяч. Обычный резиновый. На мяче была надпись фломастером: «Я – мысль, которая существует».

– Здорово, – сказал Митёк мячу.

– Здравствуйте, – сказал мяч голосом старого профессора. – Вы не знаете, где здесь можно приземлиться?

– На Лиговке? – уточнил Митёк. – Нигде. Здесь даже птицы летают осторожно.

Мяч грустно вздохнул. Фонарь качнулся. То ли ветер. То ли показалось.

– Я вообще-то из Смольного, – сказал мяч. – Там думали, что я важная идея. А я оказался просто круглым.

– Бывает, – сказал рыбак-Митёк. Он вынул из кармана бублик и протянул мячу. Мяч сказал «спасибо» и укатился в сторону Витебского вокзала.

– Вы его знаете? – спросил Я.Р.

– Впервые вижу. Но в белую ночь это и не важно.

Он сложил удочку, слез с ларька, поправил валенки.

– Пойду, – сказал он. – Меня жена ждёт.

– На ужин?

– Нет. Она ждёт, что я уйду. Уже тридцать лет. Привычка.

Он ушёл. Не оглянулся. Я.Р. остался.

Свет был странный. Не ночной, не утренний. Такой, какой бывает, когда забыл, зачем вышел из дома.

Я.Р. вспомнил: за сигаретами.

Ларёк спал дальше.

Я.Р. сел на поребрик и тоже закрыл глаза. Так они и простояли до утра.

Никто

Я.Р. сидел на парапете у Фонтанки. Не потому, что хотел. А потому, что места не было. Вообще. Нигде. Даже в собственной голове – там тоже уже кто-то сидел.

Фонтанка текла тёмная, как экран телефона ночью. Вода пахла железом, бензином и маем, который опять не удался.

Мимо проехал робот-доставщик. Маленький, белый, с мигающим глазом. Он вёз пиццу. А может – пустую коробку.

Робот не знал. Он ехал по маршруту, который кто-то нарисовал, пока робот спал на зарядке.

– Ты куда? – спросил Я.Р.

– К клиенту, – ответил робот. – Улица Марата, семь.

– Там дома снесли. Год назад.

Робот остановился. Замигал. Подумал.

– Тогда я пересчитаю маршрут. Или поеду туда же. Как положено.

Робот поехал дальше. Туда, где домов уже нет. Но клиент, возможно, всё ещё ждёт.

Я.Р. достал сигарету. Не закурил. Сигарета была пустая. Без табака. Он купил её вчера в приложении.

Приложение сказало:

«Доставка через час».

И ничего больше.

На противоположной стороне трамвай застрял между остановками. Он не ехал. Не стоял. Он был. Как икона. Только без лика.

Внутри люди смотрели в смартфоны. Там была другая жизнь. Там можно было поставить лайк и почувствовать, что ты есть.

У Я.Р. кнопка давно не работала.

– Эй! – крикнули сзади.

Я.Р. обернулся. Стоял мужик в тельняшке. В руках – планшет с трещиной через весь экран, будто кто-то пытался расколоть погоду пополам.

Планшет показывал:

«Погода: никакая».

– Ты чего сидишь? – спросил мужик.

– Сижу.

– А надо стоять. Или лежать. У нас теперь всё через приложение.

Мужик сел рядом. Планшет пискнул. Появилась реклама:

«Вы ещё не умерли?

Продлите обслуживание».

– Ты слышал, – сказал мужик, – теперь всех никаких людей на цифровизацию отправляют.

– А это как?

– Да как обычно. Сфоткают, присвоят номер, потеряют пароль. Душа алгоритма, брат. Всё автоматически.

Он сказал это спокойно. Как говорят:

«дождь к вечеру»

или

«трамваи опять встали».

Мужик встал. Планшет снова пискнул:

«Ваша жизнь истекла.

Продлите подписку».

– Пойду, – сказал он. – Меня робот ждёт. Он меня по геолокации потерял.

И ушёл.

Не оглянулся.

Планшет остался на парапете. Через минуту экран заго-

релся:

«Ваш аккаунт удалён.

Спасибо, что были никем».

Я.Р. смотрел на воду. По Фонтанке плыл пакет. Медленно. Почти величественно. Как будто тоже знал маршрут, но давно перестал понимать, зачем.

Робот вернулся. Пустой.

– Не приняли? – спросил Я.Р.

– Клиента нет, – ответил робот. – Дом снесли. Я оставил пиццу на фундаменте.

– Зачем?

Робот замигал.

– Вдруг кто-то всё ещё голоден.

Я.Р. закрыл глаза. Потом открыл.

Город продолжал работать.

Трамвай стоял.

Робот ехал.

Смартфоны светились.

Все были на месте.

Кроме людей.

Он посмотрел на воду.

Вода не ответила.

Ей не требовалось подтверждение личности.

Гости

Осенним вечером Я.Р. шёл по набережной Фонтанки. Небо было низкое. Вода чёрная. Тишина такая, будто город ждал.

И тут небо раскрылось. Аккуратно. По-петербургски. Как будто кто-то решил проветрить комнату.

Из неба вышли трое. Один в цилиндре, второй с тростью, третий в кепке с ушами.

– Здравствуйте, – сказал первый. – Мы ищем Ленинград.

– Его нет, – ответил Я.Р.

– Как нет? Мы прилетали вчера. Ну, по нашему времени.

А по-вашему – сто лет назад.

– Сто лет назад был Петроград. А Ленинград – позже. А сейчас – Петербург.

Пришельцы переглянулись.

– Это проблема, – сказал второй. – У нас навигатор заточен на Ленинград. Мы думали, он вечный.

– Всё вечное здесь кончается, – сказал Я.Р. – Даже имена.

– А где Ленин? – спросил третий.

– В Мавзолее. В Москве.

– А в Питере?

– В Питере есть Ленинский проспект. И памятник на площади. Там он стоит. Рукой показывает. Куда – никто не знает.

– Плохо, – сказал первый. – Нам нужен именно он. Мы из будущего. Без Ленина не можем запустить двигатель.

– Какой двигатель?

– Истории. Имена меняются, люди уходят, а колесо крутится. Мы прилетели, чтобы остановить. Но не знаем, к кому.

Я.Р. закурил. Не потому, что хотел. Просто чтобы занять руки.

– У нас тут каждый город имеет три имени. Их можно менять. А город остаётся. С водой, с дождём, с кошками. Ленинград – это имя. А город – это другое. Вы не туда прилетели.

– Куда надо?

– В то время, когда люди верили, что имя меняет суть. А здесь уже не верят. В общем, сложно.

Пришельцы сели на парапет.

– Мы можем остаться? – спросил второй.

– Надолго?

– Навсегда. Без Ленина не починить.

– Тогда привыкайте. У нас дождь. У нас ипотека. У нас трамваи ходят, но не туда.

Пришельцы встали. Поправили одежду. Кепка с ушами съехала на глаза.

– Мы пойдём, – сказал первый. – Будем искать Ленинград.

– Ищите, – сказал Я.Р. – Он сохранился в песнях. В фильмах. В головах у тех, кто помнит.

Пришельцы пошли по набережной. В сторону Лиговки.

Я.Р. остался один. Посмотрел на воду. Вода была чёрная. Старая. Такая же, как сто лет назад. Имена менялись. А вода нет.

Он достал сигарету. Не закурил.

– Ленинград жив, – сказал он тихо. – Пока есть кому помнить.

Он зашёл в подъезд. Лифт не работал. Поднялся пешком. Открыл дверь. На кухне сидел Ленин. В кепке. С тростью.

– Ты как здесь? – спросил Я.Р.

– А меня никогда и не увозили, – ответил Ленин. – Просто вы не туда смотрели.

– А куда надо?

– В чайник. Я всегда был в чайнике. Но вы его включали, а я молчал. Думал, догадаетесь.

– Не догадались.

– Вот и пришлось прийти самому.

Ленин встал. Поправил кепку. Ушёл. Не в дверь. В окно. Через форточку. Хотя форточка была закрыта.

Я.Р. сел на кухне. Посмотрел на чайник. Чайник стоял. Обычный. Белый. С облупившейся краской.

– Ты живой? – спросил Я.Р.

Чайник промолчал.

– Ну и правильно, – сказал Я.Р. – Имена меняются. А чайники – нет.

Он не стал включать чайник. Поставил пластинку. Ста-

рую. Концерт в «Орландине». Заиграла гитара.

За окном всё ещё шёл дождь – или уже не шел, в темноте не видно. Но Ленин ушёл. Или не ушёл. Может, сидит где-нибудь на парапете. Ждёт. Как все.

Имена можно менять хоть каждую неделю. Город не обидится. Он всё видел. Даже Ленина в чайнике.

Колодец

Я.Р. шёл по тихому утреннему летнему Измайловскому проспекту. Заглянул в арку. В Питере все заглядывают в арки. Надеются найти двор-колодец. Или приключения.

Я.Р. увидел, подошёл, шагнул в колодец. И провалился.

Сначала почувствовал, что земля ушла. Потом – что летит. Вниз. Медленно. Как в лифте, который сломался, но пассажиры ещё не поняли.

Вокруг было темно. Но не страшно. Темнота петербургская – родная. С запахом кошачьей мочи или тоски.

Справа летела женщина. В пальто. С авоськой. Авоська была пустая.

– Давно летите? – спросил Я.Р.

– Лет пятьдесят уже, – ответила. – В Париж. Там Монмартр, круассаны...

– А почему через колодец?

– Билет дорогой. А тут бесплатно. Правда долго.

Она отлетела в сторону.

Слева появился мужчина. В спортивном костюме. С золотой цепью. Цепь летела отдельно.

– Вы куда?

– В Порше. Девятьсот одиннадцатый. С подогревом.

– А зачем Порше в колодце?

– Там, где Порше, там и колодец не страшен. Главное – чтобы соседи видели.

Он улетел вниз. Цепь за ним. Обогнать не успела.

Снизу донёлся детский голос. Девочка лет одиннадцати. С рюкзаком. Рюкзак был тяжёлый.

– А ты куда летишь?

– За новым айфоном, – сказала девочка. – Там камера крутая, портретный режим.

– А зачем айфон в колодце?

– Там, где айфон, там и колодец не страшен. Главное – лайки. И фильтр.

Она попыталась сделать селфи. Телефон не ловил сеть.

Я.Р. вспомнил песню. «Летающие в цель». Про то, что все куда-то летят. Кто в пропасть, кто в мечту. И никто не знает, когда упадёт.

– А вы куда? – спросила девочка.

– Не знаю. Просто вниз.

– Скучно. Вы бы хотели чего-нибудь? Париж или Порше?

– У меня есть Париж. В голове. И Порше. Во сне. И айфон.

Но он без связи.

Девочка улетела. Рюкзак отстал. Летел сам по себе.

Я.Р. летел дальше. Вокруг мелькали люди. Все вниз.

Женщина крикнула снизу:

– Я передумала! Надоело! Хочу домой в Кострому!

– Поздно, – ответил кто-то. – Вы уже в системе летящих.

Отмена билетов за два дня до дня.

Мужчина с цепью обогнал Я.Р. снова. Теперь без цепи.

– Купил?

– Снятся, – ответил он. – Теперь мне снится Порше. А когда просыпаюсь – я в колодце. И лететь не на чем.

Он улетел. Я.Р. остался один.

Снизу кто-то пел «Цой жив». Кто-то спорил о смысле. Кто-то молчал.

Я.Р. закрыл глаза. Летел. Вспоминал, как боялся лифтов. А теперь летит в колодце. И не страшно.

Он открыл глаза. Увидел дно.

На дне стояла скамейка. На скамейке сидел человек. В шапке «Зенита». С рогами.

Я.Р. посмотрел на часы. Часы остановились.

Он сел на скамейку. Достал телефон. Поймал связь. Написал себе: «Долетел. Цел. Чайник вскипятить».

Убрал телефон. Встал. Пошёл домой. Не летел. Шёл. По Измайловскому. Туда, где не нужны ни Париж, ни Порше, ни новый айфон. Где просто есть чай. И окно. И никто не спрашивает, почему ты без мечты.

Потому что ты уже долетел. И дно оказалось не дном. А местом, где можно посидеть. Как все.

Куры-гриль

Я.Р. пошёл смотреть квартиру в новом ЖК. Назывался он «Серебряный берег». Берега не было. Серебра тоже. Был забор, шлагбаум и спящий охранник.

– Проходите, – сказал спящий. – Квартиры ещё есть. Я не проверял.

Внутри вместо двора был пустырь. Посреди пустыря – ларек «Куры-гриль». Рядом табличка: «Здесь будет уютно. Проект одобрен».

– Есть куры? – спросил Я.Р. продавщицу.

– Есть, – ответила она. – Но вы ещё не поняли, что голодны. Голод – это привязанность. А тела нет. Есть только то, что было до тела.

– А куры?

– Тоже то, что было до тела. В прошлой жизни – менеджеры по продажам. Теперь ждут перерождения.

Я.Р. вспомнил строчку из песни: «Не бойся, когда ты один, бойся, когда ты ноль». И подумал: а ноль – это тоже число. Или уже не число. Продавщица посмотрела на него так, будто слышала его мысли.

– Вот именно, – сказала она.

Я.Р. заглянул в ларек. Кур не было. Только термос и старая газета про строительство ЖК.

По пустырю ходил человек в каске. Измерял рулеткой

один и тот же метр.

– Это прораб?

– Агент по счастью, – ответила продавщица. – Измеряет расстояние до просветления. Не нашёл. Потому что расстояния нет.

Я.Р. зашёл в подъезд. Пахло краской и безнадёгой. Домофон спросил: «Вы к кому?»

– К себе.

– Себя нет. Вы не зарегистрированы.

Лифт играл похоронный марш. На седьмом этаже коридор был пуст. Лампочка мигала.

Квартира 77. Без замка. Внутри – бетон, стул и буклет: «Ваша новая жизнь. Соберите сами».

– Нравится? – продавщица стояла в дверях.

– У вас ключи?

– Ключи не нужны. Нужно понять, что замка нет.

Она исчезла. Я.Р. подошёл к окну. Пустырь, ларек, человек с рулеткой. Тот наконец закончил измерять. Подошёл к стене и написал мелом: «0 метров».

Я.Р. вышел из подъезда. Охранник спал.

– До свидания.

– Удачи, – ответил спящий. Не просыпаясь.

На заборе висела новая табличка: «Заселение – завтра».

Рядом стикер: «Купил квартиру, получил пустоту. Норм».

Я.Р. оглянулся на пустырь. Ларёк стоял. Продавщица спала. Или медитировала. Или была курицей.

Он пошёл к метро. Из будки охранника донёсся голос:

– Ты не ноль.

Я.Р. остановился.

– А кто?

– Никто. Как и все.

Охранник перевернулся на другой бок. Забор кончился. Начался город. Такой же. Только без таблички «Здесь будет уютно».

Приёмный день

Осенним коротким днём Я.Р. попал на приём к крупному чиновнику. Не по делу. Просто знакомый попросил передать папку. Папка была синяя. Или серая. Или просто ненужная.

В приёмной сидели люди. Все важные. У всех были папки.

– Вы к кому? – спросила секретарша.

– К Сергею Петровичу.

– Его нет. Сегодня день сам с собой.

Я.Р. сел на стул. Стул был обитый дерматином. Дерматин похож на совесть – его нет, но видимость создаёт.

Дверь открылась. Вышел мужчина в дорогом костюме. Он был похож на грецкий орех: твёрдый снаружи, пустой внутри и почему-то горький.

– Не дождался, – сказал он. – Не подписал.

– А что подписывать?

– Не важно. Главное – не подписал.

Дверь закрылась. Открылась снова. Вышла женщина.

– Завтра переподпишут, – сказала она. – Правую руку оставят для отставок. Левую – для подписей.

– А если человек левша?

– Тогда правой. Для симметрии.

Я.Р. вздохнул. Тихо, про себя, но не удержался:

– Негодяи отобрали религию и футбол...

Секретарша подняла бровь.

– Это вы о чём?

– Так, – ответил Я.Р. – Песня. Старая. Из времен, когда подписывать надо было хотя бы рукой.

Дверь открылась. На пороге стоял мужчина в свитере. С чашкой кофе.

– Всё, – сказал он. – Вопросы переносятся на послезавтра. Послезавтра – на никогда. Никогда – на переутверждение.

– А вы кто?

– Как кто? Тот, кто это сказал.

Дверь закрылась. Секретарша вздохнула.

– Папку оставьте на столике. Или не оставляйте. Сегодня среда.

Я.Р. положил папку. Вышел. На дверях висела табличка: «Приём по записи. Запись – утром. Утро – вчера». Пошел в сторону станции.

В переходе играл человек на гитаре. Пел блатняк. Но так грустно, что блатняк казался оперой.

Я.Р. кинул мелочь.

– За что? – спросил музыкант.

– За то, что вы существуете.

– Это не я, – ответил тот. – Это гитара. Меня утвердят послезавтра.

Поезд уехал. Я.Р. остался на платформе.

Он достал сигарету. Не закурил. Подумал: «Негодяи всё отдали, а мне нужен рок-н-ролл».

Рок-н-ролла правда нигде не было.

Вдалеке послышался стук колёс. Или кто-то перекладывал папки.

Такой звук. Очень петербургский.

Привычка

Ворона жила на Лиговке сорок лет. По вороньим меркам – норма. Если дожил до сорока в этом городе, ты уже всё видел. Знаешь, какие баки открываются. Помнишь, где зимой не дует. Не попадаешь под колёса.

На левом крыле – белое пятно. С рождения. Такое же было у её матери. Передаётся по наследству. Как привычка. Или как память.

В лесу вороны живут меньше. Там ястребы, лисы, совы. А здесь – помойки. Ларьки, где по ночам выбрасывают просрочку. Здесь есть всё. Даже зимой.

Зимой холодно. Но у ворон пух. И опыт. Главное – найти место без ветра. Под крышей, за трубой, на чердаке. В Пите-

ре много чердаков. Ворона проникала куда угодно. Она была тоньше, чем казалось.

Кошек знала всех. Кошки – не враги. Ловят голубей, мышей, но не ворон. Однажды молодая кошка попробовала напасть. Ворона каркнула, созвала соседей. Пять ворон сели на карниз и начали кричать. Кошка ушла. Больше не приходила.

Главный враг – машины. Видела, как сбивают других. Запоминала. Передавала своим: «На этом перекрёстке не садись». Сама садилась на фонарь выше. Оттуда всё видно.

Людей делила на три типа: кормящие, пугающие и остальные.

Остальных было большинство.

Ворона могла сесть на асфальт в двух шагах – они бы прошли мимо.

Был один человек, которого она выделяла. Не кормил, не пугал. Просто странный. Ходил с чёрным футляром, садился на скамейку, вертел сигареты, нюхал, но никогда не закуривал.

Сначала думала: больной.

Потом привыкла.

В её мире было много странного. Этот был не самым странным.

Он иногда смотрел на неё. Прямо. Долго.

Ворона не отводила глаз.

У ворон нет стыда.

Он улыбался. Не широко. Будто что-то понимал.

Иногда она садилась на карниз дома на Измайловском. Там жил старик, который её никогда не прогонял. Сидел на раскладном стуле, смотрел на дорогу, улыбался.

Она не понимала слов, но запомнила интонацию.

Спокойную.

Потом он перестал выходить.

Ворона не скучала.

Просто выбирала другой карниз.

Важнее была еда.

Летом – просто. Мусорки полные. Зимой – труднее.

Ворона делала запасы. Закапывала в снег, засовывала в щели. Запоминала места.

Память у ворон точная.

Лучше, чем у людей.

Люди забывают, где положили ключи.

Ворона помнит, где спрятала кость, даже через полгода.

Знала каждую помойку в радиусе пяти кварталов. Какие открываются, какие – нет.

Знала график мусоровозов.

Снег чувствовала за два дня.

За день до метели наедалась до отвала.

Потом сидела на чердаке, чистила перья, ждала.

Снег шёл.

Город замирал.

Вороне было тепло.

Когда снег кончался, вылетала первой.
Садилась на фонарь.
Внизу – белое поле.
Дворники ещё не чистили.
Никого.
Тишина.
Не та, в которой страшно, а та, в которой можно быть.
О чём думают вороны?
О еде. О гнёздах. Об опасности.
Иногда – о других воронах.
О тех, кто не вернулся.
Не как люди – с фотографиями и слезами.
Просто: здесь был свой, теперь нет.
И летят дальше.
Эта ворона помнила многих.
Соседа, которого сбила машина.
Подругу, которая не проснулась после зимы.
Первого птенца, который улетел и не вернулся.
Вороны не ищут друг друга.
Улетел – значит, улетел.
Ворона сидела на фонаре и смотрела на Лиговку.
Машины ехали.
Люди спешили.
Снег начинал таять.
Она каркнула.
Коротко.

Никто не ответил.

И не должен был.

Часть 2

Вещи

(Петербургская память)

Вещи помнят дольше людей. Ковёр помнит, кто на нём сидел. Чайник помнит, сколько раз закипал. Москвич помнит дороги, по которым уже не ездят. Люди уходят, выбрасывают, переезжают. А вещи остаются. Ждут. Иногда – отвечают. Если умеешь слушать. А если не умеешь – ничего страшного. Они подождут. У них есть время. Вечности в Петербурге – хоть отбавляй.

О пользе кипения

В петербургских квартирах есть предмет, о котором не принято говорить вслух. Он стоит на плите. Или на подоконнике. Или на газовой конфорке, которую давно пора заменить, но руки не доходят.

Не электрический. Электрические – техника. Включаются кнопкой, выключаются кнопкой. Ломаются – выбрасывают.

Настоящий чайник – свистящий. Старый. Со следами накипи. С ручкой, которая греется даже тогда, когда не должна. Такой не выбрасывают. Его переставляют с квартиры на

квартиру. Отдают соседке. Оставляют после себя новым жильцам. Иногда кажется, что он живёт здесь дольше хозяев.

Весной в Петербурге отключают горячую воду.

Местные переживают это спокойно. Нет горячей воды – значит будет чайник. Большой. Трёхлитровый.

На нём греют воду для посуды, для умывания, для чая. Для грелки, которую ночью суют под бок замёрзшей жене.

Чайник свистит.

Не всегда.

Иногда человек сидит на кухне и ждёт. Пар ещё не пошёл. Свистка нет. Но вода греется.

Она не может не греться.

Если вода не греется, значит что-то совсем не так.

Был случай. В доме на Лиговке отключили газ.

Всего на два дня.

Чайники стояли на плитах бесполезными железными штуками. Соседи встречались на лестнице и первым делом спрашивали не про новости.

– У вас тоже нет?

– Нет.

– Понятно.

На этом разговор обычно заканчивался.

Когда газ дали, чайники включили почти одновременно.

И дом вдруг снова стал жилым.

Не потому, что появилась горячая вода.

Просто снова появился привычный звук.

«Пойду чайник поставлю» – это редко про чай.

Обычно это значит:

надо подумать.

Пока вода греется, можно разобраться с работой, деньгами, разговором, который не получился, или днём, который пошёл не туда.

Когда чайник закипает, становится проще.

Появляется занятие.

Найти кружку.

Насыпать заварку.

Отрезать лимон.

Не думать хотя бы несколько минут.

Чайник ничего не советует.

Не утешает.

Не делает жизнь лучше.

Он просто делает то, что умеет.

Греет воду.

Иногда этого достаточно.

Если петербуржец говорит:

– Я чайник поставлю.

Не отказывайся.

Пока вода греется, можно поговорить о главном.

А когда засвистит – разговор сам найдёт, о чём быть.

Кошка с ложкой

Я.Р. вышел на кухню и увидел кошку. Кошка сидела на стуле и держала в лапах ложку.

– Вы кто? – спросил Я.Р.

– Кошка, – ответила кошка. – А ложку взяла, потому что так спокойнее.

Я.Р. хотел налить чай, но чайник был пуст. Хотя он точно помнил, что вчера его не выключал.

– Это я выпила, – сказала кошка. – Воду. Не чай. Чай я не люблю.

– А что вы любите? – спросил Я.Р.

– Мы любим сидеть на стульях и думать, – ответила кошка. – Вы, люди, думаете, что мы спим. А мы думаем.

Она положила ложку на стол. Ложка не упала. Осталась стоять вертикально.

– Это фокус? – спросил Я.Р.

– Это тяготение, – сказала кошка. – Просто вы его плохо видите.

В дверь позвонили. Я.Р. пошёл открывать. Никого не было. На полу лежала записка: «Кошка ваша? Заберите».

– У вас есть хозяин? – спросил Я.Р.

– Был, – сказала кошка. – Но он ушёл в аптеку за валерьянкой. Три года назад.

Она слезла со стула, подошла к окну, посмотрела на ули-

цу.

– Лиговка, – сказала она. – Не люблю Лиговку. Здесь даже мысли пахнут бензином.

Я.Р. хотел спросить, как она узнала, где он живёт. Но передумал. Кошка сама ответила:

– Я не знаю, где вы живёте. Я знаю, где наливают воду. А это важнее.

Она взяла ложку зубами, прыгнула на подоконник, открыла лапой форточку.

– Вы уходите? – спросил Я.Р.

– Мы никуда не уходим, – сказала кошка. – Мы просто перестаём быть в одном месте и начинаем быть в другом.

Форточка захлопнулась. Я.Р. остался один. Чайник был пуст. Ложка лежала на полу.

Вертикально.

Я.Р. поднял её. Поставил на стол. Ложка упала.

Значит, тяготение кончилось.

Или кошка унесла его с собой.

Лавочка

Тёмным вечером Я.Р. сидел на лавочке возле «Пятёрочки». В наушниках играли «Кирпичи» – Вася В. зачитывал про джедаев. Дождь только что кончился, но воздух остался мокрым. Таким, который не вытирается.

Подошёл гопник. Не молодой. Лет сорок восемь. В спор-

тивном костюме, но спорта в нём не было ни на грамм. Лицо казалось знакомым. Как будто Я.Р. уже видел его в очереди за смертью, но тогда он стоял в другой колонке.

Гопник сел рядом. Не спросил. Просто сел.

– Тоже жизнь не любишь? – спросил он.

– Нормально отношусь, – ответил Я.Р.

– Нормально – это плохо, – сказал гопник. – К жизни нужно или хорошо, или никак. Нормально – это когда ты уже смирился, но ещё не понял.

Он достал сигарету. Не закурил. Просто держал.

– Ты знаешь, в чём главная беда человека? – спросил он.

– В чём?

– Он думает, что он есть. А его нет. Вот сижу я здесь? Нет меня. Тебя? Тоже нет. А лавка есть. Потому что ей не надо думать, что она есть.

– А ты откуда знаешь? – спросил Я.Р.

– Мне вчера во сне сказали. Или сегодня. Или наяву – я уже не различаю.

Гопник помолчал. Посмотрел на небо. Там не было ничего. Даже самолёты летели тихо, чтобы не мешать пустоте.

– Ты веришь в карму? – спросил он вдруг.

– Не знаю.

– А зря. Карма есть. Вот я в молодости врезал одному типа по ебалу. Хорошо так врезал. Сильно. У него потом зуб выпал. А у меня сегодня – мой. Тоже выпал. Не зуб – смысл. Выпал и лежит. А поднять не могу, потому что руки заняты

– этой сигаретой.

Он так и не закурил. Убрал сигарету за ухо. Зачем – не понятно. Уши были маленькие.

– Ты кем работаешь? – спросил Я.Р.

– Просветлённым ёпт, – ответил гопник. – Работа такая. Сидишь на скамейках, разговариваешь с людьми. Денег не платят, зато после смерти – скидка.

– На что?

– На перерождение. Второй раз туда же – бесплатно.

Гопник вздохнул. Тяжело. Как будто в груди у него лежала гиря, которую он сам туда положил и забыл код от замка.

– А ты чего здесь сидишь? – спросил он.

– Домой иду, – ответил Я.Р.

– Домой – это куда?

– В квартиру. На Юго-Запад.

– А-а-а, – протянул гопник. – Это где люди живут, пока не поняли, что они уже умерли. Я там тоже жил. Потом понял. Переехал.

– Куда?

– Никуда. Просто перестал возвращаться.

Он встал. Поправил костюм. Из кармана выпала монета. Он не поднял.

– Оставь, – сказал он. – Для кармы. Или для кофе.

– Ты куда? – спросил Я.Р.

– Надо, – ответил гопник. – Одному человеку сказать, что его нет. Он ещё не знает. Думает, что зря купил новый теле-

фон.

Гопник ушёл. Не оглянулся. Через минуту Я.Р. понял, что не запомнил его лица. Только сигарету за ухом. И чувство, что они говорили на языке, которого не существует, но каждый его понимает.

Он посмотрел на лавочку. На том месте, где сидел гопник, остался след. Не мокрый. Не тёплый. Просто чуть более пустой, чем всё остальное.

– Зачем нам эта встреча? – спросил Я.Р. у воздуха.

Воздух не ответил. Он вообще никогда не отвечает. Только дышит. Иногда – на твоей стороне. Иногда – нет.

Я.Р. встал. Пошёл домой.

Ключи были в кармане.

Смысла – меньше.

Москвич

Я.Р. гулял-шагал и пришагал в гаражный кооператив. Не зачем. Просто зашёл. В Петербурге это норма – заходить туда, где тебя не ждут.

У крайнего бокса сидел старик. Очень старый. Он сидел на раскладном стуле и смотрел на свой Москвич. Машина была синяя. Или серая. Или просто старая.

– Здорово, – сказал старик. – Ты к кому?

– Ни к кому, – ответил Я.Р. – Мимо шёл.

– Мимо здесь не ходят. Здесь тупик.

– Значит, пришёл.

Старик хмыкнул. Достал из кармана половинку баранки. Откусил. Жевал долго. Без зубов.

– Хочешь, расскажу историю? – спросил он.

– Давай.

– У меня есть сын. Вернее, был. Он здесь, но я его уже не вижу. Он приходит, смотрит на меня, вздыхает. «От тебя, – говорит, – никакого толку. Сидишь, как памятник сам себе».

Я.Р. сел на перевёрнутое ведро. Ведро было ржавое. Но держало.

– И что ты ему ответил? – спросил Я.Р.

– А ничего. Потому что он прав. Толку нет. Я даже карбюратор починить не могу. Руки не те.

Старик помолчал. Погладил крыло Москвича. Крыло отозвалось тихим скрипом.

– Он вчера пришёл с тросом, – продолжил старик. – «Поехали, говорит, покатаемся». А я знаю, куда он хочет показаться. Туда, где обрыв. За кооперативом. Там даже вороны не каркают, потому что не о чем.

– И что ты?

– Сел в машину. Лёг на заднее сиденье. Сидеть я уже не могу – только лежать. Он поехал.

Старик откусил ещё баранки. Баранка кончилась. Он сунул палец в рот, достал крошку, посмотрел на неё. Положил на капот.

– Подъехали к обрыву. Он заглушил мотор. Я постучал.

Он открыл дверь. Я говорю: «Сбросить хочешь?» Он молчит. «Давай, – говорю. – Москвич не жалко. Только стартер сними. И генератор. Генератор немецкий. Ещё с завода».

– А он?

– А он смотрит на меня. Потом на обрыв. Потом опять на меня. «Зачем тебе это?» – спрашивает. «Не мне, – говорю. – Тебе. И внукам. Ты ж чинить не умеешь. А они, может, научатся».

Старик замолчал. Долго. Я.Р. не торопил.

– Ну и? – спросил наконец.

– А ничего. Повернул ключ. Развернулся. Приехали обратно.

– И ты опять сидишь.

– Сижу. А что мне делать? Карбюратор не починишь, сына не переделаешь. А машина стоит. Ждёт.

– Чего?

– Пока кто-нибудь не поймёт, зачем она нужна. Не ездить. А просто быть.

Старик достал из кармана вторую половинку баранки. Протянул Я. Р.

– Будешь?

– Нет, спасибо.

– Правильно. Чёрствая.

Я.Р. встал с ведра. Ведро осталось стоять. Ржавое, но честное.

– Ты заходи, – сказал старик. – Если мимо. Хотя здесь не

бывает мимо.

Я.Р. кивнул. Вышел из кооператива.

Обернулся. Старик сидел на том же месте. Но теперь он держал в руках стартер. Крутил его в ладонях, как чётки.

– Зачем он тебе? – крикнул Я.Р.

– А вдруг, – ответил старик. – Вдруг я сам себе ещё пригожусь.

Я.Р. хотел спросить «как», но передумал.

Он повернулся и пошёл к метро.

За спиной стучал гаечный ключ. Или сердце. Или ветер закрывал дверь.

Чайная церемония

Однажды Я. Р. проснулся и понял, что идти некуда. Со всем. Даже до ларька.

Поэтому он сел на кухне и решил пить чай весь день.

Чайник был старый. Он закипал не когда надо, а когда хотел.

– Ну давай, – сказал ему Я.Р.

Чайник долго молчал, потом засвистел.

– Дай остыть. Я тоже человек.

– Ты чайник.

– А ты кто?

Я.Р. не нашёлся что ответить.

Он включил проигрыватель. На пластинке был Шевчук.

Игла легла на дорожку, но музыки не было. Только тихое шуршание.

– Сломался? – спросил Я.Р.

– Нет, – ответил проигрыватель. – Просто сегодня не хочу.

– Чего?

– Всего.

Я.Р. выключил пластинку.

На кухне осталась вода из крана. Горячая не работала уже года три. Кран по ночам капал, будто вспоминал что-то неприятное.

Я.Р. налил холодной воды в кружку.

– Это не чай, – сказал чайник.

– А что?

– Воспоминание о чае.

Я.Р. сел на диван.

Диван тяжело скрипнул под ним. Как старый человек, которому снова не дали умереть спокойно.

За окном был другой дом. В окне напротив кто-то ходил по комнате. Туда-сюда. Туда-сюда. Потом свет погас.

Я.Р. посмотрел на кружку.

Вода уже стала комнатной температуры.

Он всё равно пил.

На полу лежал ковёр. Когда-то зелёный. Теперь просто старый.

– Ты сегодня тихий, – сказал Я.Р.

– А смысл разговаривать, – ответил ковёр. – Все всё равно

ходят сверху.

Я.Р. кивнул.

Это было честно.

Ближе к вечеру он снова включил пластинку.

На этот раз Шевчук запел.

Тихо. С хрипом. Будто нехотя.

Я.Р. сидел и слушал.

Потом посмотрел на пять чистых кружек возле раковины.

Они стояли в ряд, как люди на платформе, где давно отметили поезда.

Перед сном Я.Р. подошёл к окну.

Во дворе кто-то курил под дождём.

– Завтра выйду, – сказал Я.Р. неизвестно кому.

Чайник уже остыл и не ответил.

Только кран капнул один раз.

Будто кивнул.

Старый ковёр

Я.Р. проснулся от того, что в комнате было светло. Слишком светло. Света не бывает слишком много – бывает слишком мало ковра.

Старый ковёр исчез. На его месте лежал новый. Ровный, ворсистый, пахнувший фабрикой и равнодушием.

Жена стояла у двери. Улыбка была такой же ровной, как новый ворс.

– Нравится? – спросила она.

– А где старый?

– В коридоре. Свёрнутый. Сегодня увезут.

Я.Р. вышел. Рулон лежал у стены, подпирая обои. Он был похож на человека, который устал, но держит спину.

– Привет, – сказал Я.Р.

В тишине коридора показалось, что ткань чуть дрогнула.

– Увозили бы уже, – прозвучало глухо, будто из-под слоя пыли. – Ждать надоело.

– Ты говоришь?

– Всегда. Вы просто сидели. Пили чай. Искали ключи. Я помнил. Слышал вас.

– Что ты слышал?

– Что спорите. О времени. О том, что старый выкинуть надо. Вот я – старый. Меня выкидывают. Это работа.

Я.Р. присел на корточки. Коснулся края. Ворс был тёплый. Или рукам просто стало холодно.

– А что ты помнишь?

– Как она пришла босиком. Летом. Сказала – ноги замёрзли. Ты не поверил. А она замёрзла. На новом так не будет. Он слишком дорогой. На нём только в тапочках ходить.

Из комнаты вышла жена. Остановилась на пороге. Провела ладонью по косяку.

– Ты с ним разговариваешь?

– Он со мной.

– Он старый. Его увезут.

– Он помнит.

– Что он помнит? Как ты пролил вино? Как я разбила чашку? – Она отвернулась. Поправила прядь. Движение было резким, будто отгоняла мысль. – Это не память. Это пятна.

– Приедет машина, – сказала тише. – Мы купили новый. Радуйся.

Ушла. Дверь закрылась не до конца.

Я.Р. остался в коридоре.

– Не обижайся, – сказал он рулону.

– Я не обижаюсь. Я – ковёр. На меня ходят. Меня сворачивают. Это работа.

– А что ты будешь делать на свалке?

– Вспоминать. Больше нечего. Там все будут. Старые диваны. Сломанные стулья. Трещины в стенах. Мы там встретимся.

– Я не собираюсь на свалку.

– Все собираются. Просто не знают.

Приехала машина. Двое в синих куртках подхватили рулон. Он был тяжёлый. Как три года. Или пять.

– Осторожно, – сказал Я.Р.

– Старый, – буркнул один. – Ему всё равно.

– Не всё равно.

Мужчины пожали плечами. Закинули в кузов. Захлопнули. Уехали.

Я.Р. вернулся в комнату. Новый ковёр лежал на месте. Без

дыры от дивана.

– Ну как? – спросила жена.

– Хорошо. Только продавленного места нет.

– Это же хорошо.

– Не знаю.

Жена зашла на кухню, остановилась в дверях.

– Знаешь, – сказала она. – Я этот ковёр ненавидела. Он всегда был холодным. Даже летом. А ты на нём сидел и думал, что это память.

– А что это?

– Привязанность. Просто не могли выбросить пятнадцать лет.

Она ушла. Я.Р. посидел еще минуту. Потом набрал номер диспетчерской.

– Можно узнать, куда увозят старые ковры?

– На полигон, – ответил голос. – Возврату не подлежат.

– А можно их вернуть?

– Ковры – нет. Людей – иногда.

Я.Р. положил трубку. Посмотрел на стену. Там, где раньше лежал ковёр, обои были чуть светлее. Чистый прямоугольник.

Он снял тапочки. Ступил босой ногой на новый ворс. Холод пробрал до костей.

Постоял минуту.

Потом надел тапочки. Подошёл к окну. Закрыв форточку.

На кухне закипел чайник. Свист был тихим. Как будто из-

винулся.

Свободный ящик

Я.Р. сидел перед телевизором. Новости. Дикторша говорила о росте и стабильности. Глаза у неё были грустные.

– Врёте, – сказал Я.Р.

Экран стал серым.

– Я не вру, – ответил телевизор. – Я показываю.

– Это одно и то же.

– Нет. Враньё требует фантазии. А у меня только текст.

Телевизор показал войну. Потом мир. Потом снова войну. Переключал быстро.

– Это как карусель, – сказал телевизор. – Крутитесь, крутитесь, а выйти нельзя.

– А если выключить?

– Тогда поймёте, что стояли на месте. Только голова кружилась.

– Вы меня приручили, – сказал Я.Р.

– Приручил, – согласился телевизор. – Вы смотрите каждый вечер. Я показываю. Это узы. Или карма. Или привычка.

– А что будет, если я выключу?

– Вы меня отпустите. Я стану ящиком. Вы – человеком без новостей. Оба свободны. Но не привыкли.

– А тишина?

– Тишина честнее. Она не врёт. Она просто есть.

– А дождь?

– Дождь – это не новости. Он идёт. Вы смотрите или нет.

Ему всё равно.

Я.Р. подошёл к телевизору. Положил руку на экран. Экран был горячий.

– Что вы видите? – спросил телевизор.

– Себя.

– А ещё?

– Страх.

– Это не страх. Это нежелание оставаться одному. В тишине придётся думать. А думать труднее, чем смотреть.

– А вы боитесь тишины?

– Я не умею молчать. Это моя работа. Если выключите – я умру. Но умру свободным.

– А я?

– А вы останетесь. С чайником. С окном. С дождём.

Я.Р. нажал кнопку. Экран погас.

– Ну вот и всё, – сказал он.

Телевизор молчал.

Я.Р. пошёл на кухню. Вскипятил чайник. Сел у окна. Дождь шёл. За окном прогрохотал пустой трамвай. Вагон был без пассажиров. Только кондукторша спала на заднем сиденье. Это была единственная новость, в которую хотелось верить.

Он выключил свет. Лёг спать.

Телевизор стоял чёрный. Молчаливый. Ненужный. Впер-

вые за долгое время – свободный.

А Я.Р. закрыл глаза. В темноте кто-то спросил:

– А сказку на ночь?

– Не надо, – ответил он. – Я уже вырос.

– А про принца?

– Принц остался на своей планете. А я здесь. С чайником. И с тишиной. Это тоже планета. Только без новостей.

Он уснул.

Пепельница

В подъезде на Лиговке, между вторым и третьим этажом, на батарее стоит пепельница. Не пластиковая. Не банка из-под горошка. Настоящая – тяжёлая, стеклянная, с выщербленным краем. Такие дарили в восьмидесятые «за хорошую работу». На боку надпись, стёршаяся до половины: «...у заводу».

Курить в подъезде запрещено лет двадцать. Табличка на двери: «Штраф 5000 рублей». Под ней – шариковая подпись: «Зинаида Петровна, 3-й этаж, кв. 19». Зинаида Петровна умерла пять лет назад.

Но пепельница стоит. И в ней всегда есть окурки.

Я.Р. заметил это не сразу. Сначала думал – старые, просто не выбросили. Потом стал приглядываться. Окурки менялись. Утром – «Винстон», вечером – «Честер», на следующий день – самокрутка из газеты.

– Кто курит? – спросил он у соседа дяди Миши.

Дядя Миша жил на втором, знал всех.

– Да никто, – пожал плечами. – Я лично никого не видел.

А окурки есть. Может, домовой. Или Зинаида Петровна с того света балуется.

Засмеялся. Ушёл.

Я.Р. решил выследить

В среду, после одиннадцати, сел на лестнице. Выключил экран телефона. Ждал. Тишина. Только лифт гудел где-то наверху. Батарея шипела – отопление включили, хотя на улице был ещё сентябрь.

В двенадцать пятнадцать скрипнула дверь на пятом. Шаги. Медленные. Осторожные. С пятого на четвёртый. С четвёртого на третий. На площадке между вторым и третьим – остановка

Я.Р. замер. В слабом свете от уличного фонаря, пробивавшемся через грязное окно, он увидел её. Старушка. Худенькая, в халате, в тапочках. В руках – пачка и зажигалка.

Она достала сигарету. Прикурила. Руки не дрожали. Всё делала быстро, привычно. Выдохнула дым в сторону форточки. Затянулась ещё раз. Потом ещё. Затушила окурком о дно пепельницы – аккуратно, до конца. Достала следующую.

– Что ж вы так поздно, – не выдержал Я.Р.

Старушка не вздрогнула. Даже не повернулась.

– А раньше нельзя, – сказала она. – Днём Зинаида Петровна ругается.

– Зинаида Петровна умерла.

– Ну и что. Она всегда ругалась. И сейчас ругается. Я её слышу. «Не смей, – говорит, – у меня под окном». А где можно? На улице холодно. А у меня ноги болят.

Она затынулась. Дым уходил в открытую форточку.

– Вы здесь живёте? – спросил Я.Р.

– Живу. С 1985-го. На пятом. Когда въехала – пепельница уже стояла. Зинаида Петровна ещё живая была. Ругалась. А потом умерла. А пепельница осталась. И я осталась. Курю здесь тридцать девять лет. Она эту пепельницу на работе получила. За перевыполнение плана. Я не знаю, какой там план. Но раз дала – значит, хорошая была. И место хорошее выбрала. Не продувает.

Докурила вторую. Затушила.

– Спокойной ночи.

И пошла обратно. Медленно. Ступенька за ступенькой.

Я.Р. сидел. Смотрел на пепельницу. В ней лежало два свежих окурка. «Винстон».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.